

ОПРЕДЕЛЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ В ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Представлен перевод статьи великого британского философа Бертрана Рассела, посвященной концептуальному осмыслению философских оснований эпистемологии. В ней формулируются базовые определения и обосновываются методологические принципы, на основе которых возможно построение теорий, соответствующих идеям эмпиризма и концепции знания-знакомства. Опираясь на конкретные примеры, а также тезисы о логической обусловленности методов познания, Рассел закладывает фундамент теории нейтрального монизма, ставшей основой его эпистемологических идей в ранний период творчества.

Ключевые слова: теория познания, эмпиризм, знание-знакомство, знание по описанию, определение, методологические принципы, внешний мир.

В настоящей статье я предлагаю дать некоторые определения, вытекающие из анализа опыта, предложенного в предыдущих статьях¹, а также некоторые методологические рекомендации, которые, как я считаю, будут полезными для дальнейших работ в области теории познания. Очевидно, что было бы довольно сложно (если вообще возможно) сформулировать определения, или рекомендации, до тех пор, пока мы не решим, что отношение знакомства является фундаментальным для опыта, так как все определения и принципы, которые мы здесь можем принять, будут это предполагать.

Субъекты уже были нами определены в предыдущей статье как сущности, которые знакомы с чем-либо, а *объекты* как сущности, с которыми нечто знакомо. Другими словами, субъекты есть область, а объекты — конверсная область отношения *знакомства*². При этом нет никакой необходимости предполагать, что знакомство не поддается анализу, или что субъекты должны быть простыми сущностями; может оказаться так, что их дальнейший анализ вполне возможен. Однако у меня нет такого анализа, и поэтому формально они будут считаться простыми; впрочем, наша теория не будет сфальсифицирована, если вдруг окажется, что это не так.

Когнитивные факты будут определяться как факты, включающие в себя знакомство или некоторые отношения, которые его предполагают.

Следует отметить, что мы можем определять когнитивные факты, но не сами ментальные *партикулярии* [particulars], так как мы не имеем основа-

ний полагать, что субъекты не только фактически, но и вполне определенно отличаются от других партикулярных. Отличительный признак ментального, или, по крайней мере, того, что является когнитивным, заключается не в природе задействованных партикулярных, а лишь в природе отношений между ними. Отношения знакомства представляются наиболее полными и, следовательно, наиболее подходящими для определения когнитивных фактов.

Есть, однако, некоторая трудность в определении термина «предполагают», который встречается в приведенном выше определении. С его помощью мы хотим включить такие отношения, как, например, внимание и суждение, которые, во-видимому, явно подразумевают знакомство с объектом внимания или с объектами, входящими в суждение. Оно не предназначено для включения отношений, которые просто *случаются*, как эмпирические факты, — т.е. возникают только там, где имеет место знакомство. В случаях, которые предполагается включить, факт знакомства оказывается *a priori* очевидным, а не просто статистическим явлением. Я не знаю, в чем именно состоит логическое различие между этими двумя видами связи, ведь нам кажется очевидным, что такое различие есть. Но вид связи, который содержится в определении, можно назвать *априорным* видом, и, так как трудности различения принадлежат исключительно логике, здесь нам нет необходимости исследовать их дальше.

Теорию познания, или эпистемологию, определить труднее. Начнем с того, что никакое опреде-

ление, которое содержит в себе слово «знание», не может быть удовлетворительным потому, что само это слово весьма двусмысленно, а также потому, что каждое из его возможных значений может быть прояснено только после долгих эпистемологических дискуссий. Далее, возникают трудности в отношениях эпистемологии с психологией и логикой. Очевидно, что большая часть эпистемологии включена в психологию. Анализ опыта, различий между ощущением, воображением, памятью, вниманием и т.д., природа убеждения или суждения и вся аналитически познаваемая составляющая субъекта, поскольку здесь не вводится никакого различия между истиной и ложью, должна рассматриваться, строго говоря, как часть психологии. С другой стороны, различие между истиной и ложью, имеющее прямое отношение к теории познания, казалось бы, принадлежит логике, хоть это и вызывает некоторые сомнения. Но в любом случае, как только мы переходим к теории суждения, даже если мы берем во внимание вопросы истины и лжи, трудности, с которыми мы сталкиваемся, почти полностью логические, а ведь логические открытия — это и есть то, что более всего необходимо для прогресса в области субъекта. Можно показать³, что суждение, как и вообще всякая мысль, выражение которой связано с *пропозицией*, должны быть фактом логической формы, отличным от любого из следующих: фактов субъектно-предикатной формы, двухместных отношений, трехместных отношений и т.д. На этом пути возникает интересная проблема чистой логики, а именно проблема расширения перечня логических форм таким образом, чтобы включить в них формы, соответствующие фактам эпистемологии. Поэтому может показаться, что теории познания невозможно отвести какую-либо отдельную сферу, отличную от сферы логики и психологии. Любая попытка выделить такую сферу должна быть, я полагаю, искусственной и потому вредной.

Центральной проблемой эпистемологии является проблема различения истинных и ложных убеждений и нахождения в как можно большем количестве областей их критериев. Данная проблема ведет нас через анализ убеждений и их предпосылок в психологию и перечисление когнитивных отношений, и она же ведет нас через различение истины и лжи в логику, — различие, которое не имеет никакого отношения к сугубо психологическим дискуссиям. Так что мы можем определить эпистемологию в терминах этой проблемы как *анализ истинных и ложных убеждений и их предпосылок вместе с поиском критерия истинного убеждения*. На *практике*, однако, такое определение является слишком широким, поскольку оно включает в себя части психологии и логики, значение которых не является по преимуществу эпистемологическим. По этой причине наше определение не должно толковаться достаточно строго.

Данности, с которыми имеет дело эпистемология, также нелегко определить, поскольку существует множество логически различных видов данностей. Самыми простыми видами будут *объекты*: в этом смысле нечто данное конкретному человеку — это и есть *партикулярии*, с которыми он непосредственно знаком. И, как я постараюсь показать в своих последующих работах, даже в этом очень узком смысле существуют, по крайней мере, три разных способа, которыми эти данности могут быть даны, а именно: они могут быть даны в ощущениях, в памяти или в воображении. Впрочем, эти разные

способы данности не влекут за собой соответствующих различий в данных нам объектах. С другой стороны, мы можем понимать универсалии, и любое примитивное понимание универсалий (т.е. любое понимание, не вытекающее из какого-либо другого понимания), как в некотором смысле случай знакомства, и это, безусловно, является достаточным основанием для того, чтобы назвать данную универсалию данностью. Каким должен быть правильный анализ понимания универсалий — вопрос трудный, но такое понимание, безусловно, должно быть включено в число данностей познания. *Восприятие фактов* (в отличие от соответствующих суждений) также должно быть включено в число этих данностей; ведь если я вижу, что одна вещь находится слева от другой, или если я замечаю, что гром в конкретном случае раздастся позже наблюдаемой мной молнии, то все эти воспринимаемые мной факты, безусловно, входят в число данного мне. Воспринимаемые факты не всегда являются партикулярными: например, общие логические факты часто таковы, что они могут быть нами восприняты. Я не знаю, следует ли включать какие-либо *суждения* (в отличие от восприятий) в число данностей познания: в этом вопросе аргументы могут быть приведены с обеих сторон. Но для меня неоспоримо то, что любой эпистемологически правомерный вывод требует, чтобы как посылка, так и связь посылки с заключением, были бы данными либо для восприятия, либо для суждения.

Я думаю, в широком смысле мы можем сказать, что *данности* включают в себя все партикулярии, универсалии и факты, которые познаются нами не посредством логического вывода или с помощью убеждения, полученного вне всякой связи с анализом воспринимаемого факта. Таким образом, единственными видами познания, которые не содержат в себе данностей, будут (а) убеждения, полученные посредством логического вывода, (б) убеждения, полученные не только без помощи логического вывода, но и без помощи анализа воспринимаемых фактов. Убеждения второго типа можно с полным основанием назвать *предрассудками*: истинны они или ложны, это всегда будет чистой случайностью. С другой стороны, выведенные с помощью логического вывода убеждения — в том случае, если они основаны на данностях, а не на предрассудках, — будут истинными. Однако в этих замечаниях мы предвосхищаем результат длительных дискуссий, которые не могут быть предприняты в настоящее время.

Существует еще один, несколько более туманный смысл, в котором слово «данности» может быть использовано в эпистемологии. Если мы анализируем некую совокупность знаний, скажем, физику, с целью отделить имеющиеся в ней истины от лжи, мы можем назвать «данностями» все убеждения, которые мы принимаем, когда приступаем к исследованию. В этом смысле «данности» будут противостоять «предпосылкам», и то, что мы до сих пор называли данностями, будет уместнее называть предпосылками. Подобное использование правомерно в некоторых дискуссиях, но для наших настоящих целей кажется нежелательным.

Распространённой ошибкой является предположение о том, что должно быть очевидно, каковы наши данности о любом предмете, на который мы обращаем наше внимание. Но это ни в коем случае не должно быть так, поскольку нечто вполне может быть данностью без того факта, что эта данность

кому-либо дана. Поэтому нет ничего удивительного в том, что часто бывает так трудно выяснить, что же на самом деле представляют собой наши данности.

А теперь я перехожу к некоторым методологическим принципам, которые могут оказаться полезными в наших последующих исследованиях.

1. *Объекты знакомства не могут быть «иллюзорными» или «нереальными».* Обычно о снах и галлюцинациях принято говорить как о чем-то иллюзорном, а об образах — как о чем-то нереальном, в некотором смысле, неприменимом к объектам нормальных ощущений. Несомненно, есть важные различия между объектами, которые обычно считаются «реальными», и объектами, которые считаются «нереальными». Однако по логическим причинам эти различия требуют совершенно иного анализа. Если объект дан через знакомство, этот объект имеет определенное отношение к субъекту, которому он дан. И было бы совершенно бессмысленно, если бы такого объекта не существовало. Объект знакомства — это объект, которому можно дать имя собственное, в противоположность описанию; и он может стать «вот этим» объектом внимания. Бессмысленно считать такой объект нереальным. Имя собственное, которое ничего не именуется, — не имя собственное, а ничего не значащий шум. Знакомство, которое ни с чем не знакомо, — не знакомство, а просто абсурд. Понятие «нереальное» применимо не к таким непосредственным данностям, а только к *описываемым* сущностям. Мы можем сказать «нынешний король Франции нереален», имея в виду то, что нынешнего короля Франции не существует, а не то, что «есть такая сущность, которая в настоящее время является королем Франции и является нереальной». На самом деле нереальность — это понятие, которое обязано своим происхождением грамматическим формам. Эти формы позволяют описаниям занимать в предложениях место грамматического подлежащего, которое не служит именем какой-либо составной части пропозиции, выраженной этим предложением. В случае, когда описание ни к чему не относится, мы можем сказать, что его предмет нереален, но если мы не осознаем, что нереальный предмет является просто грамматическим, мы можем прийти к мысли, что существуют сущности, которые нереальны. Однако это полный абсурд: в условиях данности сущности бессмысленно спрашивать, реальна она или нет; данная сущность существует и больше тут нечего сказать. Таким образом, как показывает логика, предположение о том, что некоторые объекты, с которыми мы знакомы, нереальны, — несостоятельно.

Вывод о том, что ни один объект знакомства не может быть «нереальным», навязывает нам определенное уважительное отношение к сновидениям, галлюцинациям и образам. Конечно, существуют важные эпистемологические различия между такими объектами и объектами обычного ощущения, но эти различия относятся к гораздо более поздней и более сложной составляющей субъекта. *Сходство* их с объектами обычных ощущений осознается в гораздо меньшей степени, чем об этом принято думать, но для нашей нынешней цели оно имеет принципиальную важность. Человечество постепенно выбрало среди сущностей своего рода аристократию, которую оно называет «реальным» миром. Как отмечал Парменид (в разговоре с Сократом), в философии мы не должны презирать даже самые незначительные вещи; ведь сущности,

которые человечество осудило как «нереальные», полны интереса и важности. Отвечая на это, можно было бы сказать следующее: «Несомненно, вещи, которые мы видим во сне, существуют в определенном смысле, но это чисто субъективный смысл — они существуют только потому, что мы спим, и являются лишь частями нашего разума». Это могло бы быть или не быть истиной.

Но в данном случае меня не волнует вопрос, истина ли это или ложь. Я хочу лишь указать на огромную сложность того, что утверждается, и на колоссальную систему знания, которая это предполагает. Утверждается, что объекты сновидений существуют только по причине того, что мы спим; это означает, как я полагаю, что есть некоторая сущностная невозможность существования таких объектов, кроме тех случаев, когда какой-то субъект их осознает. Также утверждается, что они существуют только в нашем разуме; и я думаю, это значит, что они могут осознаваться не более чем одним субъектом. Но знать все это — значит обладать колоссальным знанием внешнего мира и видеть, что он нигде не может укрывать такие объекты, которые я видел во сне. При этом всегда существует опасение, что то же самое утверждение может быть сделано и в отношении вещей, наблюдаемых в жизни наяву. Если сновидения должны получить более низкий статус, чем жизнь наяву, как источник знаний о внешнем мире, это должно быть сделано не путем осуждения их *ab initio*, а путем демонстрации того, что предполагаемый мир, где сны и жизнь наяву обладают одной и той же *непосредственной* реальностью, есть такая реальность, в которой объекты сновидений не так тесно связаны с *другими* сущностями, как объекты наших ощущений в жизни наяву. Фактически то, что *называется* нереальностью непосредственного объекта, всегда должно быть на самом деле нереальностью какого-то другого объекта, выведенного из непосредственного объекта и описанного посредством указания на него. И этот вывод, как мы увидим, имеет огромное значение для решения всех проблем, касающихся нашего знания внешнего мира.

2. *Возможность ошибки в любом познаваемом бытии показывает, что это событие не является примером двухместных отношений.* Эта максима тесно связана с нашей первой максимой и также имеет чисто логическое происхождение. Мы выяснили, что, когда мы знакомы с объектом, такой объект обязательно существует, и возможность ошибки логически исключена. Точно такой же аргумент применим к любому двухместному отношению. Но когда данное событие объединяет субъект с несколькими объектами в одном факте, ситуация иная. В этом случае эти несколько объектов могут быть, но могут и не быть составными частями определенного связанного факта; так что некоторый определенный описанный факт, — а именно факт, составленный определенным образом из объектов рассматриваемого события, — может иметь место в одних случаях и не иметь места в других. Дальнейшие объяснения и иллюстрации этой максимы будут даны при рассмотрении убеждений. На данный момент её основное значение заключается в следующем отрицании: там, где возможна ошибка, нельзя говорить ни о знакомстве, ни о внимании, ни о любом другом двухместном отношении. Например, это применимо к отношениям памяти, поскольку память подвержена ошибкам.

3. Эпистемологический порядок гедукции включает в себя как логические, так и психологические соображения. Очевидно, что любой порядок допустимого вывода должен включать логические соображения, поскольку выведенные пропозиции должны логически следовать из своих посылок. Но при наличии определенной совокупности пропозиций, где одни выводимы из других, будет множество способов выбрать некоторые из них в качестве тех посылок, из которых должны быть выведены остальные. Любой такой набор посылок можно назвать набором логических посылок для данной совокупности пропозиций. В чисто логической плоскости, когда мы не задаемся вопросом о том, известно ли нам об истинности каких-либо пропозиций из данной совокупности, требования простоты [conditions of elegance] предполагают, что набор логических посылок должен быть таким, чтобы ни одна из этих посылок не вытекала из других, и состоял из минимально возможного числа простейших возможных пропозиций. Однако в эпистемологии наши послылки должны отвечать другим требованиям. Нас интересует не только истина, но и знание; следовательно, наши послылки должны быть такими, о которых можно было бы знать, что их истинность не выведена из каких-либо других пропозиций рассматриваемого типа. По этой причине отправной точкой для эпистемологии должна стать некоторая искусственная наивность: мы должны избегать допущения многих вещей, в истинность которых мы твердо верим, но которые могут быть достигнуты только посредством логического вывода. С другой стороны, чтобы свести к минимуму риск ошибки, которая всегда существует в отношении посылок, разумно туда включить все, что кажется известным без доказательства, даже если это можно получить посредством логического вывода из других уже известных пропозиций. Таким образом, эпистемологические послылки для любой совокупности пропозиций состоят из всех релевантных пропозиций, которые стали известны нам иным образом, нежели посредством логического вывода, и из которых можно вывести данную совокупность пропозиций. Если одни из эпистемологических посылок могут быть выведены из других, то это, как правило, подтверждает нашу веру в данные послылки и не дает оснований для исключения тех из них, которые могут быть получены посредством логического вывода. Мы можем назвать совокупность пропозиций эпистемологически замкнутой [self-contained], если она содержит все собственные эпистемологические послылки. Конституирующие нашу теорию познания пропозиции, разумеется, должны быть эпистемологически замкнутыми, за исключением некоторых посылок, относящихся к логике; принадлежность их к логике, однако, должна быть явным образом указана. Поскольку вопрос о том, что нам кажется известным без использования логического вывода, затрагивает психологию, эпистемологический порядок частично определяется психологическими соображениями. Подинная задача эпистемологии — это в значительной степени обнаружение собственных эпистемологических предпосылок; выводы из них, конечно, будут производиться в соответствии с правилами логики и, следовательно, могут быть оставлены на попечение логики.

4. Теория познания не предполагает знания физики и физиологии. Эта максима следует из представленного выше описания эпистемологического порядка. Физика и физиология относятся к наше-

му знанию того, что называется внешним миром; наше знание о физике и физиологии, очевидно, зависит от ощущений и приобретает методами, которые теория познания и должна исследовать. Таким образом, как бы твердо мы ни были убеждены в истинности физики и физиологии, мы должны использовать это убеждение только как средство проверки нашей эпистемологии, но не как область предпосылок, на которых наша эпистемология должна строиться с самого начала. Приведем грубый пример: если мы рассматриваем вопрос о том, дает ли зрение знание о физических объектах, мы не должны предполагать, что знаем о сетчатке все, поскольку сетчатка — это физический объект, знание о котором мы получаем посредством все того же зрения. Предполагая, что мы что-либо знаем о сетчатке, мы, тем самым, предполагаем, что уже имеем решение эпистемологической проблемы физического знания, которое должно быть получено нами при помощи зрения.

Следует, однако, отметить, что не было бы логической ошибкой принять предположение о знании наших органов чувств в чисто скептических целях, чтобы показать, например, что никакие знания о физических объектах не должны выводиться из ощущений. Если бы можно было показать, что гипотеза о том, что мы получаем такое знание через органы чувств, приводит к теории органов чувств, которая показывает, что они не могут дать такое знание, тогда гипотеза, с которой мы начали, сама себя опровергала бы, а значит, была бы ложной. Хотя ряд подобных позиций иногда и выдвигают, и они не являются логически несостоятельными, вряд ли возможно, чтобы они по существу были истинными. Гипотеза о том, что мы получаем знание о физических объектах через органы чувств, способна принимать множество форм в соответствии с принятой нами точкой зрения на природу физических объектов. И даже если одна из таких форм и опровергает себя, другая может этого и не делать, и мы никогда здесь не можем быть полностью уверены в том, что испробовали все возможные точки зрения. Таким образом, догматический скептицизм относительно знания физических объектов, полученных на основе наших органов чувств, никогда не может быть оправдан подобного рода аргументами. Тем не менее нам важно помнить об этой возможности, поскольку она представляет собой проверку, которой может быть подвергнута любая теория нашего знания внешнего мира.

Несомненно, наши ощущения являются функциями органов чувств и нервной системы, но это не примитивное знание, а научный вывод, который не может быть частью эпистемологических предпосылок эпистемологии. Для эпистемологии крайне важно свести наши проблемы к тому, что переживается на самом деле. Возьмем, к примеру, такой простой факт, что мы перестаем видеть предметы, как только закрываем глаза. Чтобы получить этот результат, необходимо объединить ряд непосредственных переживаний. Мы можем знать из собственного опыта, что зрительные объекты исчезают, когда мы испытываем определенные мышечные и тактильные ощущения, которые мы научились распознавать в области наших век. Закрыв один глаз перед зеркалом, мы можем узнать (исходя из того, что мы знаем о зеркалах), как выглядит наше веко, когда мы испытываем соответствующее мышечное ощущение. Видя, как другие закрывают глаза, и узнав, что они в этот момент ничего

не видят, мы можем узнать без помощи зеркала, как выглядят закрытые глаза. Но все это сложный процесс, усвоенный, без сомнения, в раннем возрасте, и который не может нам стать известен без обучения. Таким образом, эпистемология не может опираться на *предположение* о зависимости нашего зрения от глаз. И то, что верно в отношении этого очень простого физиологического факта, *a fortiori* верно в отношении сложных и трудноизвлекаемых знаний о мозге, которые иногда относят к основаниям эпистемологии. Все эти знания исключаются правилом, которым мы должны руководствоваться на протяжении всего нашего исследования: всегда ищите очевидное и не принимайте ничего другого, кроме результатов вывода из чего-то очевидного, что было обнаружено ранее. С помощью этого правила достигается значительное упрощение исследуемых проблем, и огромные массы знания могут быть отброшены как неуместные.

Примечания

¹ Речь здесь идет о статьях, опубликованных Расселом в 1914 г. в более ранних номерах журнала *The Monist* [1–3; **Прим. переводчиков**].

² Класс терминов, которые имеют некоторое отношение к чему-либо, Рассел называет «областью» [domain] данного отношения (например, класс мужей является областью отношения мужа к жене), а класс терминов, которые имеют обратное отношение, — «конверсной областью» (например, класс жен есть конверсная область отношения мужа к жене) [подробнее см.: 4, с. 80; **Прим. переводчиков**].

³ Как мне стало известно из неопубликованных работ моего друга Людвиг Витгенштейна.

Библиографический список

1. Russell B. On the Nature of Acquaintance: Preliminary Description of Experience // *The Monist*. 1914. Vol. 24, № 1. P. 1–16. DOI: 10.5840/monist19142412.
2. Russell B. On the Nature of Acquaintance // *The Monist*. 1914. Vol. 24, № 2. P. 161–187. DOI: 10.5840/monist19142422.
3. Russell B. On the Nature of Acquaintance // *The Monist*. 1914. Vol. 24, № 3. P. 435–453. DOI: 10.5840/monist191424311.

4. Рассел Б. Введение в математическую философию. Избранные работы. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2007. 264 с.

Сведения о переводчиках:

ДИДИКИН Антон Борисович, доктор философских наук, кандидат юридических наук, профессор факультета права департамента теории права и междисциплинарных юридических дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва.
SPIN РИНЦ: 4897-4450
ORCID: 0000-0003-0808-8900
ResearcherID: C-7039-2018
Scopus AuthorID: 56308857400
Адрес для переписки: abdidikin@bk.ru

ТРИНИТКА Дарья Геннадьевна, преподаватель факультета права департамента теории права и междисциплинарных юридических дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва.
ORCID: 0000-0003-2254-6170
ResearcherID: ABD-8172-2021
Адрес для переписки: d.trinitka@hse.ru
Источник перевода:

Russell B. Definitions and Methodological Principles in Theory of Knowledge // *The Monist*. 1914. Vol. 24, № 4. P. 582–593. DOI: 10.5840/monist191424412.

Ссылка на полный текст статьи: <https://academic.oup.com/monist/article-abstract/24/4/582/2473071?redirectedFrom=fulltext>

Для цитирования

Рассел Б. Определения и методологические принципы в теории познания = Russell B. Definitions and Methodological Principles in theory of knowledge / пер. с англ. Дидикина А. Б., Тринитка Д. Г. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 1. С. 91–96. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-1-91-96.

Статья поступила в редакцию 12.01.2022 г.

© Б. Рассел

University of Cambridge,
Cambridge, UK

Translated from English
A. B. DIDIKIN
D. G. TRINITKA

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

DEFINITIONS AND METHODOLOGICAL PRINCIPLES IN THEORY OF KNOWLEDGE

A translation of an article by the great British philosopher Bertrand Russell on the conceptualisation of the philosophical foundations of epistemology is presented. It formulates key definitions and justifies the methodological principles on the basis of which will be possible to construct theories consistent with the ideas of empiricism and the concept of knowledge by acquaintance. Drawing on concrete examples as well as the theses on the logical conditioning of the methods of cognition, Russell lays the foundation for the theory of neutral monism, which became the basis of his epistemological ideas in the early period of his work.

Keywords: theory of knowledge, empiricism, knowledge by acquaintance, knowledge by description, definition, methodological principles, external world.

References

1. Russell B. On the Nature of Acquaintance: Preliminary Description of Experience // *The Monist*. 1914. Vol. 24, no. 1. P. 1 – 16. DOI: 10.5840/monist19142412. (In Engl.).
2. Russell B. On the Nature of Acquaintance // *The Monist*. 1914. Vol. 24, no. 2. P. 161 – 187. DOI: 10.5840/monist191424222. (In Engl.).
3. Russell B. On the Nature of Acquaintance // *The Monist*. 1914. Vol. 24, no. 3. P. 435 – 453. DOI: 10.5840/monist191424311. (In Engl.).
4. Russell B. *Vvedeniye v matematicheskuyu filosofiyu. Izbrannyye raboty* [Introduction to Mathematical Philosophy. Selected Works]. Novosibirsk, 2007. 264 p. (In Russ.).

About the translator:

DIDIKIN Anton Borisovich, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Law, Professor of Faculty of Law, School for Theory of Law and Cross-Sectoral Legal Disciplines, National Research University Higher School of Economics, Moscow.

SPIN-code: 4897-4450
ORCID: 0000-0003-0808-8900
AuthorID (SCOPUS): 56308857400
ResearcherID: C-7039-2018
Address for correspondence: abdidikin@bk.ru
TRINITKA Darya Gennadyevna, teacher Faculty of Law, School for Theory of Law and Cross-Sectoral Legal Disciplines, National Research University Higher School of Economics, Moscow.
ORCID: 0000-0003-2254-6170
ResearcherID: ABD-8172-2021
Address for correspondence: d.trinitka@hse.ru

For citations

Russell B. Definitions and methodological principles in theory of knowledge / trans. from Engl. A. B. Didikin, D. G. Trinitka // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2022. Vol. 7, no. 1. P. 91 – 96. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-1-91-96.

Received January 12, 2022.

© B. Russell